

История пепельницы

Игорь в Дубровнике: *«Нигде и никогда,
ни до, ни после такого воздуха
я уже не встречал».*

Дубровник не перестаёт удивлять ни переменчивой погодой, ни дивным благорастворением горных и морских воздушных масс, ни волнительным морем, ни людьми.

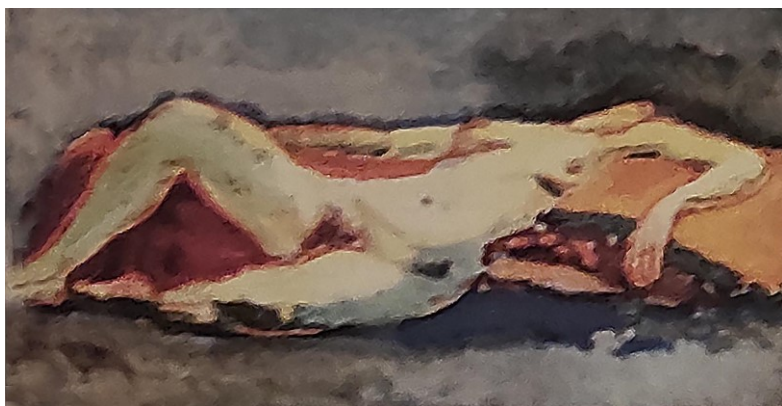
Однако есть и утраты. Так, семейный архив сестёр Соловьёвых Ольги и Лидии (в замужестве Ираклиды) сгорел в Цавтате во время войны 1991-1995 годов. Жаль, я рассчитывал найти в нём письма Игоря-Северянина, материалы о русской эмиграции, гостях из СССР, наконец о зарождении музыкально-театрально-литературного фестиваля «Летние игры в Дубровнике», основателями которого были сёстры. Фестиваль жив и по сей день — ежегодно с середины июля по середину августа. Однако об основателях фестиваля — русских сёстрах — сегодня практически забыто.

И, тем не менее, люди.

Однажды вечером, когда мы с женой прогуливались по курортному променаду вдоль залива Лапад, мимо знаменитого пляжа Sunset Beach, в воротах хорватской артистической достопримечательности Villa Flora (Florin Dom) нам повстречался пожилой человек. Я спросил его не он ли арендует под студию второй этаж виллы и балкон. Оказалось, что да. Так мы познакомились с художником Josip Pino Trostmann (1938).

Йосип Тростманн любезно пригласил нас осмотреть мастерскую и балкон. Проверку перед дверями в студию я не прошёл — не опознал работу основоположника фовизма голландского постимпрессиониста Kees van Dongen «Лежащая обнажённая». Промямлил что-то про импрессионизм и Францию и при этом, разумеется, ткнул пальцем в небо, но как потом оказалось почти в правильное небо.

Kees van Dongen. Reclining Nude

Мастерская художника поражает огромными и яркими холстами. И тут я сошлюсь на чужое мнение, потому что оно имеет значение для моего повествования:

«Его рабочее пространство на самом деле похоже на уютный дом. Можно часами бродить по этому пространству, фотографируя предметы, произведения искусства, бумаги, книги, краски, которые разбросаны в “организованном беспорядке”, так приятно для глаз». (Источник: Lena Šutić Klaić in-the-mind-of-one-of-the-greatest-dubrovniks-artists-trostmann)

*Ж.Тростманн. Буйная средиземноморская растительность.
На заднем плане архитектурная деталь – стена виллы.*

Я имел счастье убедиться в том, что «организованный беспорядок» хранит в себе сокровища, но об этом ниже. А пока вот что, сидя на балконе в лучах закатного солнца, рассказывает о себе хозяин студии:

— Для меня Дубровник самое прекрасное, что есть в мире, рай, если хотите. Я родился и вырос здесь. Согласитесь, что Средиземноморье, вероятно, самое привлекательное в мире место для жизни; погода здесь идеальная, не слишком жарко и не слишком холодно, прекрасна смена времён года. Мне нравится здешняя буйная растительность. Возможно, растительность, для меня даже интереснее людей — кивок в мою сторону. — На моих картинах только природа. Иногда в сочетании с архитектурными деталями Дубровника.

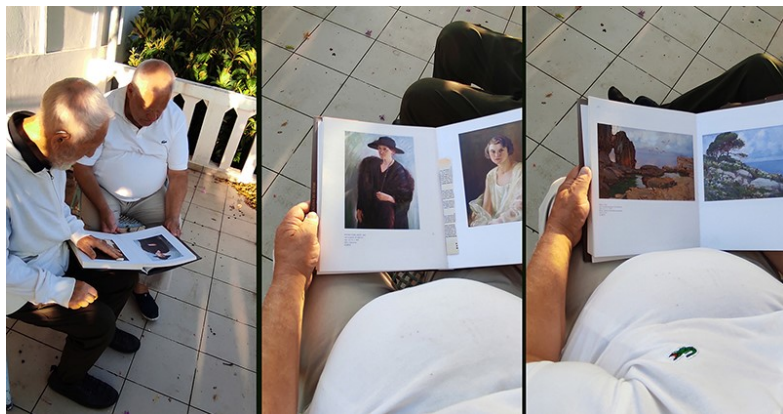

J. Trostmann. Закат в заливе Ланад.

Знаете, я выросел очень медленно и только после семидесяти почувствовал себя в самом начале карьеры художника. Представьте, вся моя жизнь была только подготовкой карьеры!

Когда мне было десять лет я ходил в вечернюю школу портретной живописи Иво Дульчича. Я был очарован художественной средой. Я открыл для себя таких колористов Дубровника, как Антун Масле и Джура Пулитика. Я был влюблён в яркие, летние цвета Средиземноморья и порождённую им колористическую живопись. Много лет спустя Масле признал и мой талант. Как видите, результаты таланта приходят только после упорного труда и ни от чего больше.

И вот тут уместно напомнить про палец в небе. Кес ван Донген в начале XX века был основателем течения внутри французского постимпрессионизма, известного как фовизм (от фр. les fauves — «дикие», «хищники»). Характерная особенность фовизма — использование предельно интенсивных цветов в их контрастных сочетаниях

В центре портрет хозяйки виллы Флоры Якишч.

На развороте залив Лапад. Вид со стороны заходящего солнца.

— таковы картины на стенах мастерской Тростманна. Таков, например, вид на цветущие неспали с балкона Villa Flora или закат в створе залива Лапад.

Кстати о заливе. Художник протягивает руку в сторону пляжа и отелей:

— *Вы не поверите, ещё в пятидесятых годах здесь был лес. Теперь ад.*

Мне стало неловко. С одной стороны, художник прав, но с другой — сколько людей приобщилось к сказочному Средиземноморью именно здесь в заливе Лапад, хотя количество торговых точек на променаде и безликих дорогих отелей я бы подрезал. И тут уместно привести несколько строк из дневниковых записей Василия Витальевича Шульгина.

Примите во внимание роскошные декорации этих воспоминаний! Залив, лес, горы, просёлок Святого Иакова и тогда ещё одинокие виллы вдоль него! Сельский пейзаж и никаких туристов, только буйство средиземноморской растительности:

«В этом трудном моём положении меня приютили на вилле Сливинского. Раньше он был просто Слива, но эта слива окончила Академию Генерального Штаба с занесением на почётную доску. К началу революции он был уже полковник [с апреля по декабрь 1918 года — начальник штаба гетмана Скоропадского — прим. публикатора], эмигрировал, в Югославии стал подрядчиком по строительству дорог, имел хорошие доходы и снимал прекрасную виллу на дороге Святого Иакова. Женат он был на Вишневской, и они пригласили меня перебыть у них тяжёлое для меня время. Я начал с того, что написал им стихотворение, начинавшееся так:

*Во дни зари моей счастливой
Был мне отрадой скромный сад,
Там были вишенки со сливой —
Тех дней мне не вернуть назад.
Ударил гром. Все баромётры
Упали в бездну с высоты.
В мой бедный сад ворвались ветры,
И пали древа, как цветы...»*

Все трое — Шульгин, Сливинский и Вишневская киевляне. Меня же в этой истории особенно волнует появление на Villa Flora Mira в январе 1931 года супругов Лотарёвых — Игоря и Фелиссы:

«В этой то гостинной вдруг появился Игорь Северянин с женой. Их пригласили погостить под вишнями и сливами. Так же, как и меня.

Они совершали турнэ по Югославии. Давали в разных городах и городках «концерты», т.е. читали стихи. Она ведь тоже была певчая птичка, поэтесса. И вперемежку с мужем читала свои произведения. Русские стихи, хотя она была родом эстонка.

* * *

*Пленительность эстонки:
Глубины, что без дна;
И чувства, что так тонки;
И долгая весна.
Блажен ваш друг, Фелисса!
У «хладных финских скал»*

Игорь-Северянин тоже отметил восторгами о посещении Дубровника в рассказе «Гроза в Герцоговине»:

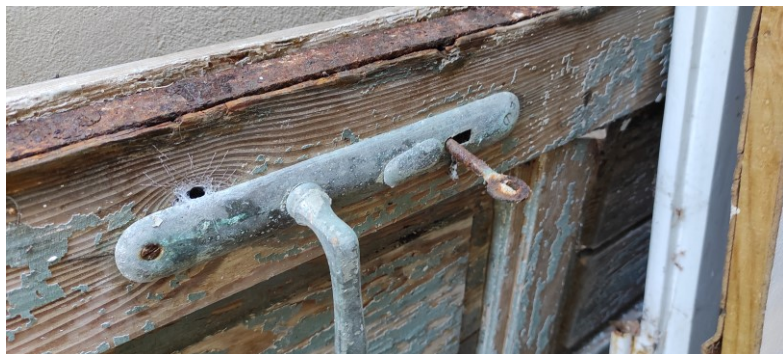
«Ночью мы проехали Герцеговину, унылую и каменисто-хаотическую. Вдруг из окон вагона перед нами заизумрудило море, поезд уступами стал спускаться к нему, все быстрее, все ниже, наконец он остановился, мы вышли из вагона, — и какой воздух! Какая теплота! Какой восторг! Солнце ярко сияло, небо — сплошная синь, пальмы, агавы, апельсины, мимоза, роза, глицинии! Все это произошло так внезапно, что буквально нас потрясло. Итак, мы были в Далмации, обворожительной и почти неземной. О её воздухе ничего нельзя сказать словами: его нужно почувствовать, его нужно вдыхать самому, чтобы иметь о нем представление. Нигде и никогда, ни до, ни после такого воздуха я уже не встречал.

В одном из своих стихотворений я назвал его «дыханьем Божества», в другом сказал, что «на Бога воздух был похож. Ничего более точного я не мог придумать».

И вот тут любопытная деталь: поэт был заядлым курильщиком, целебный воздух Средиземноморья очаровал и его

Старая входная дверь на виллу.

Оказалось, что имя подрядчика Алексея Ивановича Сливинского ничего не говорит Тростманну. Очень удивился, когда узнал, что в тридцатые годы все горные дороги вокруг Дубровника построил бывший русский офицер полковник Генерального Штаба Российской Империи Сливинский. Простительно: практически всё здесь связано исключительно с хорватами и очень неохотно с русскими, а особенно с сербами, не говоря уже о прочих. Средиземноморский национализм! Так что книжку «Игорь в Дубровнике» я подарил хозяйну мастерской и объяснил свой интерес к вилле. Показал ему фото с находками прошлого года — сохранёнными мной бронзовыми накладками, ручками и, главное, ключом от входной двери виллы.

Вместо обещанных нам 10 минут, мы провели в гостях у художника что-то около часа. Наконец, настало время покинуть исторический балкон и прощаться. В мастерской хозяин начал оглядываться, словно искал что-то. Мне на секунду стало неловко, что как подарит одно из своих гигантских полотен! Не увезти!

Однако из «организованного беспорядка» на свет было извлечено нечто ржавое. Хозяин вручил мне это нечто со словами о том, что если он меня правильно понял, то я по достоинству оценю этот его прощальный подарок.

В руках я держал ржавую кованую пепельницу ручной работы, изящество которой скрыть невозможно. Дорогой подарок, и вот почему.

Шульгин не курил. Про Сливинского точно сказать не могу – столь обыденная деталь обыкновенно остаётся за пределами мемуаров, если это не трубка Сталина или сигары Черчилля и Кастро.

А вот Игорь-Северянин курил папиросы и дымил изрядно. Так что, сидя на балконе в компании хозяина, его жены Марии, Шульгина и

Фелиссы за чашкой кофе или рюмкой *вишнёвицы*, избегнуть гостевой пепельницы он никак не мог. Ну не на пол же он в самом деле стряхивал пепел и тушил окурки о столешницу или каблук!

Я далёк от фанатизма и полагаю, что тут уместно любимое из британского новояза *highly likely*, т.е. *очень может быть, возможно, с большой долей вероятности*. Это как минимум гостевая пепельница из правильного времени и в правильном месте, к тому же имеющая некоторое отношение к пребыванию поэта в Дубровнике на Villa Flora Mira. Подтвердить нечем, но и опровергнуть тоже.

Вот почему я хочу снова вернуться в Дубровник, хочу увидеть галерею колористов учителей Тростманна — Дульчича—Масле—Пулистика, посетить летний фестиваль *Dubrovačke ljetne igre*, основанный русскими сёстрами Соловьёвыми, а заодно вкусить крепкую *шливовицу* и насладиться восхитительной *вишнёвицей*. Да, мало ли что ещё взбредёт в голову!

P.S. Во дворе виллы можно было получить на память фаянсовую ручку сливного бачка, пользования которой во время пребывания на вилле тоже невозможно было избегнуть.

Представьте, как изящно, можно даже сказать, *громокипяще* поэт дёргал за эту ручку дважды, а то и трижды в день!

Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Получив пепельницу, я забыл про ручку. Теперь жалею. (смайлик)

*Коробка с находками во дворе Villa Flora.
Немного левее от центра ручки сливного бачка.*

Сентябрь 2024. Дубровник-Таллинн.